

АЛЕСЬ
АДАМОВИЧ

...ИМЯ СЕЙ ЗВЕЗДЕ
ЧЕРН БЫЛЬ

К 35-ЛЕТИЮ
КАТАСТРОФЫ
НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ
АЭС

—
51°23'22" с. ш. 30°05'5" в. д. Н Г Я О

ОГКИЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА 2021

УДК 821.161.1-94(476)

ББК 84(4Бей)-44

A28

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Издательство выражает огромную благодарность Государственному музею истории белорусской литературы (Минск), Архиву Сахарова (Москва) за подготовку издания, господину *Косино Го* — за перевод материалов японской прессы и Международному общественному фонду «За выживание и развитие человечества»

Использованы фотографии *Евгения Коктыша*,
Владимира Кормилкина, *Александра Бомзы*

Художественное оформление — *Григорий Калугин*

Книга печатается по изданию «...Имя сей звезде Чернобыль»,
Минск: Ковчег, 2006

Адамович, Алесь

A28 ...Имя сей звезде Чернобыль / А. Адамович. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 544 + [16 вкл.] с.

ISBN 978-5-17-135839-6

«На фоне черно-дымящего реактора, город с его домами, детскими площадками, парками, улицами, рекой, людьми, все еще не понявшими до конца, что произошло и как переломилась их жизнь.»

Впервые в России выходит сборник произведений А. Адамовича об осмыслении, понимании того трагического опыта, который не одно поколение испытало на себе. Когда все сделалось опасным для жизни, сама земля, которая прежде жизнь воспроизводила.

Издание подготовлено к годовщине трагедии: 35 лет аварии на Чернобыльской АЭС. В сборник вошли письма, статьи, выступления, интервью, повесть и сценарий.

УДК 821.161.1-94(476)

ББК 84(4Бей)-44

© Шuvaгина-Адамович Н.А., составление, комментарий, 2006

© Адамович А.М., наследник, 2021

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-135839-6

Алесь Адамович, замечательный белорусский писатель и публицист, одним из первых в мире реально осознал и оценил масштабы крупнейшей техногенной катастрофы XX века, ее последствия для судеб и его родной земли, и нашей такой небольшой планеты.

Чернобыльская беда, обрушившаяся на Беларусь, а именно она пострадала от случившейся аварии более всего, — это личная трагедия писателя, боль, пропущенная через его сердце.

К сожалению, опасность развязывания атомной войны, которая в 80-е гг. также очень тревожила писателя, и сегодня еще не снята с повестки дня, ядерное оружие расплывается по планете.

Вот почему сборник произведений Алеся Адамовича, и художественных, и публицистических, в которых затрагивается тема Чернобыля, тема взаимоотношений человека и Атома, человека и Бомбы, так актуален и сегодня.

Я рад, что эта книга увидела свет, причем в год 20-летия Чернобыльской аварии и накануне 20-летия Форума «За безъядерный мир, за выживание человечества».

Она написана болью души.

Академик Е.П. Велихов
2006 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Так получилось, что как раз в ночь с 25 на 26 апреля я летел лечиться на Кавказ, а на земле в это время все как раз совершалось. Первая информация по телевидению об аварии в каком-то Чернобыле прозвучала невнятно, но тревога кольнула: в 1986 г. мы все еще жили с привычкой, что о таких вещах не сообщают, но уж если сообщили... Вдали от родины тревога о том, что дома происходит, всегда острее. Поэтому, когда вернулся в Минск, оказался, может быть, самым восприимчивым к чернобыльской информации».

Благодаря встречам, беседам с учеными, специалистами к А. Адамовичу пришло осознание, что на самом деле происходит на родной земле. Так рождалось его отчаянное письмо к власти, а именно к М.С. Горбачеву.

Атомное оружие, атомная энергетика не были для А. Адамовича *terra incognita*. Он отлично понимал, чем это грозит человечеству в случае войны или аварии, о чем свидетельствуют его дневниковые записи и другие работы (еще до Чернобыля). Он много об этом думал, читал, писал.

А мысль, что с появлением атомной бомбы «человечество стало смертным в двадцатом веке», — важнейшая в его творчестве в 80-е годы. В 1983 году он очень внимательно читает книгу американского публициста Джонатана Шелла «Судьба Земли» (1982), с великим трудом попавшую в его руки, в которой подробно говорилось о последствиях атомных взрывов, о страшном влиянии радиации на природу и человека.

Он пытался до конца понять, что такое атомная бомба и что она несет человечеству.

Когда случился Чернобыль, он уже мог представить его реальные масштабы: ведь из 350 условных хиросимских бомб 300 упали на Беларусь.

В статье «Чернобыль и власть» А. Адамович подробно рассказал об истории писем М.С. Горбачеву, о встрече с первым секретарем ЦК КПБ Н.Слюньковым.

Его потрясла бездумная журналистская фраза: «Ветер, к счастью, дул не на Киев...»

Эта фраза неоднократно прозвучит в его статьях и выступлениях, камнем ляжет на его сердце.

Собственно литературное творчество отодвинуто в сторону. Митинги, «Чернобыльскія шляхі», выступления в Беларуси и за рубежом, и публицистика, как говорят, блестящая.

Он приходит к выводу, что Чернобыль — крупнейшая из глобальных катастроф XX века.

Через пять лет он писал, что «это — надолго. Чернобыль не позади, он впереди, на много десятилетий и даже столетий».

Он считал, что «спасение — в альтернативной, не отравляющей и не разрушающей природную среду энергетике».

В последние два года (после инфаркта) он вернулся к художественному творчеству. Публикует в журналах повести: «Венера, или Как я был крепостником», «Немой», «Vіхі». Умер от второго инфаркта 26 января 1994 года.

Письмо от В. Быкова А. Адамовичу

Саша, дорогой дружище!

Только что у нас была Вера¹, угостила куличом и яйцами (к Пасхе), Ирина² проводила ее, а я сел за это письмо. Мы тут, шутя, сочиняли тебе телеграмму в том смысле, чтобы ты берег себя, т/ак/ к/ак/ вполне возможно, что представляешь теперь единственный экз/емпляр/ генофонда нации, который понадобится вскоре на родине. В общем, сейчас обстановка, кажется, нормализовалась (или около того), но дело в том, что в первые дни, которые выпали на выходные, никто радиоактивность не измерял, а именно тогда через всю Белоруссию на север прошел радиоактивный шлейф, в котором была наибольшая концентрация. Еще и в понедельник приборы оказались зашкаленными от 20–30-кратного превышения нормы. Два южных района Гомельщины эвакуируются.

Вот такие наши дела. Многие весьма огорчены, другие же не обращают внимания — пьют и гуляют, как и всегда на праздник. ...

Погода у нас переменилась, стало холодно, хотя сухо (а надобен дождь, чтобы смыть всю эту пыльно-радиоактивную гадость). Очень не весело вообще...

...Саша, ты за нас не тревожься: мы во власти божией — иначе не скажешь. Пьём йод (4 капли на полстакана молока) и

¹ Вера Семеновна — жена А.М. Адамовича.

² Ирина Михайловна — жена В.В. Быкова.

каберне, говорят, выводит. Но, говорят, водка выводит лучше, если бы она была. Водки нет! Даже на праздник...

Очень желаем тебе хорошей погоды и безоблачного настроения.

И — приезжай бодрым и здоровым.

Обнимаем.

*Твой Василь и Ирина.
03 мая 1986 г. [Минск]*

Письмо В.В. Быкову

Дорогие пострадавшие — Василек, Ирина и весь народ, теперь уже дважды хатынский! Или так: хатынский и плюс хиросимский. Одно кличет другое, так уж на небесах записано, что ли.

Шлю молитвы за вас всех, над кем прополз шлейф нашей высокочтимой науки, с отвращением вспоминается телефизиономия главного по этим делам академика (полгода назад вещал из телящика)—конечно же, всякие там опасения за «мирный атом», это у них там, а мы оптимисты и начхать. Рядом с бюрократом казенный оптимист — главный наш могильщик. Благодаря «патриотическому оптимизму» мы войну встретили в подштанниках. А теперь вот — Чернобыль. Интересно, будем достраивать свой — в 30 км от Минска? Или все-таки спохватимся? Хотя бы такой ценой.

А я, как нарочно, уехал от всех вас. И от Наташи¹ с Верой. Что-то вроде дезертира. Не «генофонд», а дезертир!

Нет, мир спятил! Те вон руки от злорадства потирают, а мы рассказываем, как здорово показали себя пожарники и милиционеры. Можно представить (легко это сделать) как **60 раз** уничтоженная жизнь будет тенью, пеплом удаляться от планеты Земля, а звучать будут все те же тени-голоса: «Здорово мы их, растяп!», «Нет, как здорово пожарники!»...

Я должен ехать к ученым, в Москву. Интересно бы спросить высоколобых: отвечает или не отвечает ученый-физик, химик и т.п., если его опасную штучку доводит, реализует безответственно-пьяный (или с похмелья) «дядя Вася»? (Мелиораторов уже об этом спросили — машут руками, а мы причем, если

¹ Дочь А.М. Адамовича.

наше добро обращают во зло на последнем прогоне!) Думаю, что они в ответе. Думай про всю цепочку, а если ненадежная, тогда подумай еще раз!

А ты говоришь, водки нема! Да я бы отдал нас всех на годик-два в руки Карпюка¹ и Дудочкина², они бы осушили — да здравствует вот такая мелиорация!

Значит, не хотите сюда? Отпусти тогда Ирину с Верой и Наташей, раз сам к Тэтчер рвешься. Пусть погуляют, пока можно, пока здесь чисто. Покажу Кавказ, хотя бы с севера.

Обнимаю и желаю, чтобы все это — на сухой лес!

Ваш Адамович.

7.5.86 [г. Железноводск]

Письмо И.А. Дедкову³

Дорогой Игорь Александрович!

Сегодня вернулся из Железноводска на свою, теперь уже дважды многострадальную, землю. Вы там даже не представляете, что это и как, и чем обернется в будущем. Этот самый, будь он проклят, мирный атом оказался с лицом, да нет, харей того же кровожадного Марса и хотя ногами стоял на земле украинской, но к ней спиной, а к нам харей развернулся — по ветру. Ну и...

Могу лишь сказать, что той умиротворяющей земли, края, который Вам знаком, уже нет, и будет ли, — не знаю. И мы — не те.

Вмиг все изменилось.

Спрашиваете еще и о нашем съезде. Мура все это.

Я выступал о герое нашего времени — о бюрократе. Не знал только, что дела его еще и радиоактивностью грозят.

Привет Вам, жму руку! А костромчанам — восточного ветра!

А. Адамович.

22.05.86

[г. Минск]

¹ Карпюк Алексей Никифорович — белорусский писатель.

² Дудочкин Петр Петрович — русский писатель. Оба писателя — противники алкоголя.

³ Дедков Игорь Александрович — русский критик, жил в Костроме, последние годы — в Москве.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК
(май 1986 — 1992 гг.)

Два выступл/ения/ по поводу Ч/ернобыльской/ катастрофы:

— На съезде в июне.

— На конфер/енции/ ученых в защиту мира.

1. Из облака, зловеще проплывшего над севером Укр/аины/ и югом Бел/оруссии/, выглянул лик, отнюдь не святой. Сталина. А этот-то причем? Очень даже причем.

Как в 41-м — уже война гремит, а те, кому положено принимать решения, загнув голову, пытаются услышать его распоряжение: считать или не считать это войной?.. Узнали, что взорвалась [АЭС], что пошла на Бел/оруссию/, на многострадальную снова, Н/естеренко/¹ бегаёт, всем сообщает: идет! идет! надо объявить, предупредить население! (то же, очевидно, и в Киеве происходит), но у сформированных им чиновников одна мысль: а что потом нам скажут! Сдыхайте, но себя соблюдаем! Сдыхайте, но политика прежде всего! Те 18-летние девочки, что сейчас в минской больнице — с Гомельщины, не получили бы 1000 рентген, потому что не стояли бы на окнах, не мыли бы их, а захлопнули бы. И сколько таких? Не знаем, время проявит и страшно думать.

Можно представить, что речь шла бы и о ядер/ной/ войне, а они бы все прикидывали: а не пострадает ли политика? Погибнет все, зато политику соблюдаем!

Гласность! Вот и проявилось, в экстремальных условиях, насколько все это болтовня. Также и «новое мышление». Да какое новое, хотя бы просто элементарно человеческое.

Нет, в бюрократической машине заложено это — абсолютная расчеловеченность.

Из всего можно извлечь уроки. Невозможно только из ядер/ной/ всеобщей войны — некому. А так возможно — из Чернобыля тоже.

О воен/ном/ атоме из трагедии мирного. Но о мирном мало гов/орят/, а надо бы. Ведь это — сродни малой Хиросиме — в принципе.

¹ Нестеренко Василий Борисович — белорусский ученый в области ядерной энергетики и радиоактивной безопасности, с 1977 г. — директор ин-та ядерной энергетики АН БССР, с 1987 г. — зав. лабораторией этого инта. С 1990 г. — директор института «БелРад».

Почему-то оцен/ивается/ случивш/еся/ как стихийное бедствие. А ведь за этим чей-то проект, монтаж/ные/ раб/оты/, эксплуатация.

Меня все мучит вопрос: кто кликнул: «Дадим досрочно»? Где он, чем сегодня руководит?

Это досрочно-то притом, что работник наш и без того исхалтурился. Так ему еще алиби! Как тому В.В. Прохорову — старший инженер проекта, будем помнить своих героев — к/отор/ый проектир/овал/ молдавский канал под соленый раствор. Мол, зато не за 5, а за 3 года! Так и объясняет «Комсомолка»!

...Так давайте народу этих ядер/ных/ прохоровых, почему мы их щадим, тех, из-за кого погибли героич/еские/ реб/ята/ — пожар/ные/ и женщины делают «выброс» — до 5 месяцев. Сегодня, а тем более приехав из Белоруссии, не могу, не имею права не гов/орить/ о Чернобыле. Два аспекта: внешний, внутренний.

2. Вот и проявилось в полную силу, потому что в экстремальных условиях, то, против чего нужна «настоящая революция», как в начале назвал это М.С. Горбачев, а вместо чего пока — словесные упражнения, уговоры, бюрократию увещеваем не быть бюрократией.

Чернобыль высветил всю картину того, что названо «застоем», но что можно назвать и «закостенением», и «развалом» (и то и др. — хотя вроде о разном состоянии эти слова).

Урок Чернобыля: «Нужны самые строгие требования везде и во всем ...вопросы дисциплины порядка, организованности приобретают первостепенное значение» (М. Горбачев).

Два аспекта «уроков» — внешний (угроза атома) и внутренний — угроза со стороны бардака: конструкторского (проектного), технического и эксплуатационного.

Будет установлено, кто и что повинно больше.

Допустим, проект окажется идеальным, значит, вина снимается с ученых? Если виноваты послед/ние/ звенья цепочки?

Нет и нет! Как не снимается с мелиораторов за засоление черноземов по причине, что воду поставляют в руки небрежные, безразличные, «колхозные» (в самом плохом смысле этого слова). Ну а что дожидаться, когда остальная «цепочка» отладится? А до того — нет? Да, так и только так! Если сомневаетесь, вообразите полож/ение/ и судьбу тысяч и тысяч людей в Бел/оруссии/ и на Укр/аине/, к/отор/ых накрыло «облако».

И кто имел право сделать воздух, воду, саму землю неуютной для целых народов. А ведь это так! Езжайте на Гомельщину и поживите там — почувствуете сразу.

Один из участн/иков/ первого испыт/ания/ ядерного устройства, увидев гриб, сказал:

— Теперь все мы — негодяи!

Думаю, что и проектировщики, и строители, и эксплуатационники (и те, кто торопил их всех, чтобы отрапортовать досрочно — помним фанфары, когда принимали «досрочный» объект) — все, если бы они умели быть честными, повторили бы эти слова.

И вот еще это, м.б., главное: не следует ли вернуться нашим специалистам к вопросу, дискуссии, к/отор/ая была свернута в свое время явно волевым, бюрократическим нажимом: следует ли строить такие станции близ больших городов. Например, в 30 км от Минска (заметьте и цифра-то, цифра, которая столько раз повторяется в связи с Чернобылем — 30 км зона!) Что достигается, экономится? Да один такой Чернобыль вблизи Москвы, Лен/ингра/да, Киева, Минска — страшно и вообразить — вот тут уже наэкономим!

Чтобы мы теперь ни писали, ни провозглашали — святая (а точнее, слепая) вера в надежность таких станций подорвана не менее, чем на поколение-два. И кто имеет право создавать психол/огическое/ напряжение огром/ному/ городу таким соседством?

И снова спросим себя: есть ли хоть один серьезный ученый: к/отор/ый скажет, что 100%-я безопасность возможна в ближайшие 50 лет? Вряд ли. Так как же можно?

К вопросу этому надо возвращаться заново. Если уж гласность, то в этом должна быть предельная. Несмотря на то, что именно — в ядер/ных/ делах — особенно уютно поселяется бюрократическая триада: тайна, чудо, авторитет.

Преуменьшая размеры беды, мы лишаем сочувствия тех, кто пострадал во многих р/айон/ах. Настоящего, народного. Казенное не в счет.

13–15 мая 86 г.

Боюсь, что и энтузиазм строит/ельства/ как можно большего количества станций в районах как можно больше населенных — приходит (или придет) время повторить эти честные слова. [Теперь все мы — негодяи!]

Если не перестанут люди множить их, а бросят все усилия на то, чтобы добиться 100%-й безопасности. Не 90, не 99 и 9 десятых, а именно 100.

Народ наш мужественно встретил общую /беду/, а для Укр/аины/ и Бел/оруссии/ — особенно грозную и не кратковременную (вы-то не журналисты, знаете). Но не будем обманывать себя и считать, что так было бы и второй, и в третий раз. Есть всему пределы. И если наш современник/, просвещенный, начал бы отлавливать, нас, ученых, как в Сред/ние/ века врачей — поделом! Если позволим случиться этому хотя бы еще раз. И тем более, что настроили (и строим — возле самого Минска) рядом с огромным городом.

А ведь акад/емик/ Капица¹, да и не один он, — предупреждал.

Глаза у людей в 3–5 районах, непосредственно испытавших поражающее/ действие радиации — напоминают то, что помним с войны. Особенно дети. Беженство, эвакуация — прямо в масштабах, задевающих всю нацию. Беда исторического масштаба.

Вы представляете, как читать нам в печати — там, в Бел/оруссии/. Строител/ьство/ станций (такого типа) будет продолжаться неотступно — посчитали нужным заявить некот/орые/ тов/арищи/, тут же. Что это, как не бюрократическое/ «наплевать», — на что? На трагедию двух народов. С холодным обещанием таких же вероятностей другим нашим республикам. А м.б., и там же — вон в 40 км от Минска заложен свой Чернобыль.

Не с этого надо бы, а с заботы о том, чтобы переоценить все и пересмотреть.

И, м.б., вспомнить, что писал и гов/орил/ об этих вещах акад/емик/ Капица — и не он один.

Что получается, когда одна часть науки, ученых, опираясь на бюрократию, получает право не логикой, убежденностью, знаниями своего добиться, а лишь потому, что обслуживает ведомственные интересы ведомств.

То, что у мелиораторов — засоление земель и т.д.

У «мирного атома» — строител/ьство/ станций в самых населенных районах страны, на вел/иких/ реках, одним словом — Чернобыль.

---

¹ Капица Петр Леонидович — физик, академик АН СССР, директор института физических проблем им. С.П. Вавилова АН СССР.

Почему я гов/орю/ об этом?

Мы уже несколько раз читали: [атомная] программа будет неизменной!

Неужто? Неужто то, что произошло — а что, приезжайте в Бел/оруссию/, если осмелитесь, в юж/ные/ р/айо/ны, и посмотр/ите/ в глаза тем, кто еще не уехал...

Мужество, да. Но как мы себе представл/яем/ еще один такой случай и реакцию народа (да, всего народа) на это.

Из всего можно извлечь уроки. Невозможно только из ядерной войны. А из Чернобыля еще можно.

Эта невидимая радиация, которая проникает в тебя, ты знаешь, в этот миг, в каждый миг, она меняет все: ты вроде как бы другой кто-то, а все вокруг — тоже чужое — незнакомое. Кто-то другой на другой планете.

25.05.86

Минск

Перед учеными-физиками и пр. —

Велиховское¹ собрание в защиту мира, 27.05.86

Здесь собрались ученые, а некоторые, как Е.П. /Велихов/, только что из Чернобыля, и не вам рассказывать, что это такое: все первые 10, а то и больше дней ветер безжалостно тянул в сторону Белоруссии — через три из пяти ее областей. Как написал один из корресп/ондентов/: «К счастью, ветер дул не на Киев!»

И если в голосе моем услышите, уловите, обнаружите несколько лишних миллирентген — не обессудьте.

Монополия на истину в науке всегда была опасна для самой науки. Но лысенковщина показала, продемонстрировала, сколь в наших условиях она, такая монополия, опасна для всего народного хозяйства и для самой жизни народа, страны.

Если нужны еще примеры: мелиорация, Гидропроект: каких они дров наломали, надолго заткнув рот оппонентам с помощью ведомственных бюрократов — все это на слуху у вас.

Дошла очередь и до вас, физиков, — оглянуться на себя, оглядеть свое хозяйство с этой стороны. Не вам объяснять, что Чернобыль — прямой результат монополии на истину и, глав-

¹ Велихов Евгений Павлович — физик, академик, зам. директора ИАЭ им. И.В. Курчатова, вице-президент АН СССР. С 1992 г. — Президент Российского научного центра «Курчатовский институт».

ное, принятие решений тех ученых, которые отстаивали и отстаивают точку зрения допустимости сооружения АЭС в густонаселенных районах, на центральных реках. Мы все хорошо помним, что были и противоположные точки зрения, аргументы, позиции. И среди них — голос академика Петра Капицы.

И не в том дело даже, что одна из точек зрения тогда победила: так всегда бывает, когда приходится принимать практические решения, а в том беда, что оппонирующая точка зрения была заглушена быстро, намертво, полностью. Это, надо сказать, лучше и быстрее удалось, чем заглушить реактор в Чернобыле. А ведь она могла и должна была действовать, оппонировать точка зрения, позиция несогласных, понуждая практиков выбирать оптимальные варианты, не развращаясь монопольностью своей.

Когда бы не установилась монополия одних, те, другие, вовремя предупредили бы о недопустимости **так** проектировать, **так** строить, **так** обслуживать АЭС.

Ну, так, м.б., хоть сейчас мы их услышим. Почему-то не слышно их в прессе. Услышим, и голоса их не будут больше заглушены.

Мы говорим о мужестве наших людей: и тех, кто на дот грудью, идут на проклятый этот реактор, и жителей украинских и белорусских сел и городов.

Но неужели у кого-нибудь достанет, простите, просто-таки смелости еще раз подвергнуть народ наш, его долготерпение такому вот испытанию?

При повышенной радиации текут непроизвольно слезы: вы не видели вот так плачущих маленьких детей? Мы уже видели.

Да, Чернобыль заставляет думать, говорить о том, что принесла бы война, где уже не мирный атом вырвался бы из-под контроля.

Об этом мы читаем в газетах и сами думаем об этом. Только из ядер/ной/ войны нельзя будет извлечь уроков. А из Черн/обыля/ — можно.

Белорусы перескромничали, когда гов/орили/: ничего, задело!

То, что произошло, происходит, все более сопоставимо с бедствием минувшей войны.

Не верьте нам!

Скромность белорусов повернулась против них. Не верьте, ради Бога, что нормально. Нужна помощь, почти как в 1944 г.